

Андрей Митин
Я буду братъ Тулоны в одиночку

стихи не то корсиканца, не то новосибирца

Андрей Андреевич Митин
Я буду братъ Тулоны в
одиначку. Стихи не то
корсиканца, не то новосибирца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28745446

ISBN 9785449022165

Аннотация

Я – растущий автор из Новосибирска Андрей Митин, я пишу стихи и прозу, и это сборник моих стихотворений и поэм. Подростки могут найти его интересным и близким по духу, а взрослые, возможно, вспомнят, какой Бонапарт ворочался в их сердцах, когда они были 14—18 лет от роду.

Содержание

Так не пойдёт!	5
Письмо товарищу Христу	8
Сеятель – Речной вокзал	12
Шуре	17
Маловаты будут	19
Балдуину Винцио	20
Великие Луки	22
«Заря»	26
1.Близок победы торжественный час!	27
2.Которые тут временные? Слазь!	30
3.Отправляйтесь... в сорную корзину истории!	33
4.Блок посмотрел – ... «Очень хорошо»	38
5.Вперёд, заре навстречу!	42
6.Роясь в сегодняшнем окаменевшем г*вне	45
Злоключения сытого	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

**Я буду брать
Тулоны в одиночку
Стихи не то корсиканца,
не то новосибирца**

Андрей Андреевич Митин

© Андрей Андреевич Митин, 2018

ISBN 978-5-4490-2216-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Так не пойдёт!

Сто лет – революции, мне семнадцать,
дальше уже сединою пахнет.
Как Ахиллесу успеть, угнаться
за Временем – сонным, как черепаха?

Видели ели и сосны многое,
со сплетником-ветром шепчутся лапы,
про то,
как Старик ехал в ссылку с Миногой,
и Колчак,
бросая обозы,
драпал.

А в нашем Нынче мало задора,
у Нынча на шее затянут жгут.
Солнце дрожит как кумач матадора,
а быки отупело газоны жуют.

Бесстрастный,
будто стишок в альбом,
больно умные стали теперь быки!

Исчезли в прошлом,
в огне шальном.

оловянные гордые мотыльки.

Весь этот китч не сидит в печёнках?

Наше время —
попса,
этажи да крыши.
Вонзай свой рог бандерильей чёрной
в пролежни мира,
натоптыши,
грыжи!
Болячки давнишние разбередили.
Ещё не проснулся – глаза разотри!
Видишь —
стыдоба слёз крокодилых
стекает стеклянным плачем витрин!
Ведь если их делать – ведь есть чудеса,
вамуренный в мир человек сильней!
Люби,
Дон Кихот,
не миШурных Сар,
а валькирий,
ирландок
и Дульсиной.
Стихов и прозы тугая феня,
стуки по-птичьи горячих вулканов —
шаги по построенной красными фениями,
уготованной нам Бусиде Великанов.
Человек не мерить обувь рождён,
потому босяки и шагают вперёд.

Мы вместе лезем на общий рожон,
крича заветное «Так не пойдёт!».

Хватит нам прошлое годовщинить,
у нас большие дела впереди!

Хочешь за нами пойти?

Ищи нить,

хватайся, не бойся и в ногу иди.

Стрелки часов вращаются нами,
земной оси без нас не вращаться.

Напишут на на знамени мирмидоняне:

«Война – навсегда,

навсегда – семнадцать!»

Письмо товарищу Христу

Бесцеремонно здравствуй.
Телеграмма дошла, надеюсь?
Прошлые не доходили —
снова отправить пришлось.
Слушай, писать адресата
лучше Dominus Deus
или по ортодоксу —
Господь Иисус Христос?

Почтовый индекс Эдема
не поменяли часом?
А то челобитные строчим,
а они не к тебе идут,
может быть, почтальонам
холодно в тонких рясах,
так-то, у почтальонов
очень нелёгкий труд.

Кстати о почтальонах,
как там твоё здоровье?
Думаю, не в порядке —
мы тут такое творим!
Твоё священное тело

твоей запиваем кровью
и каннибалов заядлых
крестом осеняем твоим.

У меня, по-хорошему, жалоба —
какого чёрта, Иешуа?

Люди безвинно страдают
ещё с первобытных пещер.

Ты про запретные яблоки
мне вермишель не навешивай!

Это давненько было,
если и было вообще.

Почему на руинах Алеппо
дети играют гильзами?

Вне твоей юрисдикции?

Нифига ты не всемогущ.

Или веков языками

оказался причёсан и вылизан?

Насытился манкой небесной
в зелени райских кущ.

Почему на индийских заводах
казнят без вины рабочих?

Ты не был об этом в курсе?

Это – дела бодхисатв?

А может, вытравил жалость
румянец откормленных щёчек?
Не тревожит земная осень
парадный Эдемский сад.

Почему паутиной Россию
оплели попы-кровопийцы?
Загребущие толстые лапы
набивают мохнатый живот.
Этих-то точно знаешь!
Эти в твоей юрисдикции!
Молнии залежались —
пустил бы парочку в ход!

Что, Иисус, довольно?
Тебя уязвил, ужалил?
Если ещё совестишка
в сердце твоём жива,
скорее слезай с распятия
и разбивай скрижали,
будут сегодня не лишними
наши дела и слова.

Если кровавые струи
стекают с худого лица,
значит, дорога к звёздам

проходит по нашей коже.
Солнце на мясо пустит
тушу золотого тельца.
Много работы нынче,
ты приходи, поможешь.

В громадах далёких галактик
и в микромире молекул
нету для бога места,
и до сих пор не нашлось.
Одна существует вера —
в Разумного Человека,
один из её пророков —
товарищ Иисус Христос.

Сеятель – Речной вокзал

Я в электроне, за дверью холодного тамбура,
еду,
рисую на стеклах серпы с молотками,
бабка в вагоне с пузатым мешком топинамбура,
по-моему,
ещё и с рулоном какой-то ткани.

С нею,
бурые губы застлав бородой,
пальтишко дрянное, куцые рукавицы,
ругает правительство и говорит про удои,
дед,
от мороза и беленькой краснолицый.

За ними —
пара, четверорукая, четвероногая,
роты столкнулись в решающей страстной схватке,
целуются —
всё им мало и всё им немного,
успеть долюбить друг друга до пересадки!

Дальше —
мамаша, кроет сынишку руганью,

интересно, чем провинился опять сорванец?
А рядом она, неохотно болтает с подругами,
лицо – алебастр,
в глазах – холодный свинец.

Носятся зайцы,
за ними проводники,
ковровой дорожкой рассыпали пачку «Зевы»,
а за окнами
желтых прожекторов кажут клыки,
чёрные дыры,
чёрного космоса зевы.

Землю грызёт желчно-жгучая желтизна,
чернотой изрезаны стволы белокожих берёз,
трудно немому голосистое знание знать,
суматоха вокруг и ирисковый анабиоз.

Я далеко,
я не брат
и не дядь,
и не зять,
я вроде плывущих мимо полей и казарм.
Как бы вам,
дорогие,
о виденном рассказать,

О том,
какая над вами нависла гроза?

В репродукторе запись тугая: «Речной вокзал»,
уходят мамыши
и бабки,
и кролики с зайцами.
Язык повернулся – и я рванулся назад,
а мне отвечают:
«Осторожно,
дверь закрывается»

Когда по наши пропащие души придут цунами,
будет небо над морем сизо, будто в СИЗО,
бахромою белёсой буруны побегут за нами,
оставляя на ткани моря тусклый узор.

С пеной у рта прогрохочут, что мы арестованы,
захохочут, сказав, что нам не сносить голов.
Но мы, у нас ведь сердца полны флогистона —
как жестянки консервов, расплавим цепи оков.

Босыми ногами по гальке сбежим от погонь,
и корсаров пойдём искать по затерянным пристаням,

гречневый/греческий в жилах у них огонь —
какая разница?! главное, чтобы расхристанные.

Таких и боятся щекастые морды в сале,
главное – чтобы стояли против попсы.
Когда поплывём под алыми парусами,
обмоткою опыта дрогнут густые усы.

Раскалится распятие мачты кровавым бинтом,
мачта обнимет небо корявыми реями.
И будут швартовы отданы, а потом
мы двинем без якорей, скорее, ведь нету времени!

С горя пойдут топиться пустые пирсы,
когда матросов Гольфстрим позовёт на шканцы.
Они оставят пыльные хартии и экзерсисы
и пойдут по воде, вослед за Летучим Голландцем.

Сребролюбия мимо, мимо затхлых таверн,
со штилем в горле – и ладно, и так натошак.
Чистыми будем! Братцы, свистать всех наверх!
Левым галсом пойдём – Буцефала зари укрощать!

Как долго нужно смотреть на воду, чтобы её опрозрачить?

Недели и месяцы, может быть, годы, покуда осядет взвесь.
Увидеть движение усиков рачьих,
увидеть утопший танечкин мячик,
И то, что песчинки веками прячут,
Вселенную, как она есть.

Поэтому зори лучше закатов, потому что приходят раньше.

Над лужей, закисшей в сером асфальте, летает мячом лапта.

Весело в такт похоронным маршам,
когда-то по-свадебному звучавшим,
в немых веками асфальтовых чашах
рожу свою топтать.

Как долго нужно мир тормозить, чтобы он наконец затрясся,

и чтоб наконец отыскал дорогу маятник Агасфер?

Брошенный камень разгонит ряску,

и небо станет зеркалом ясным,

себя увидишь младенцем в яслях,

а в глазах у тебя – рассвет.

Шуре

Труба исходит дымною вереницей,
рыжее солнце заклеено серым пластырем,
кресало рубцует повидавший виды силициум,
переплётёты зелёных книг на траве распластаны.

Через ситечко рёбер вулкан проливает лаву,
обжигающе горько,
горше «Ессентуков».

Наперёд всё понятно —
выберут снова Варраву,
я взгляну на тебя,
и исчезну,
и буду таков.

Исколол мою грудь снежинок острый наждак,
лямкой истёрто сердце у бурлаков,
люди растают —
осталось недолго ждать,
я взгляну на тебя,
и растаю,
и буду таков.

Только камнем в груди остаётся теперь пьета,

Будет время,
и склеится сердце из черепков,
оторвусь от земли
и выучусь снова летать,
я взгляну на тебя,
и взлечу,
и буду таков.

Кремень заискрит, поджигая снова свечу,
на её фитиле запляшут тысячи языков,
я взгляну на тебя, и зелёные книги прочту,
и стрижи выпьют горечь заката из родников.

Маловаты будут

За перилами веранды лежит ковёр одуванчиков, летают ничем не стесняемые бабочки. По другую сторону на экране ноутбука нехотя ползут черви графиков.

Мысли ворочались, я выбирал, куда податься.

– Даже не думай! – стиснув зубы на моей голове, проворчала Шляпа.

– По ш-ш-шее получ-чиш-ш-шь! – схватив меня за шкуру, прошипел Галстук

– Только попробуй! – обхватив руками мою грудь, вкрадчиво прошептал Смокинг.

– Накаж-ж-жу, вз-з-згрею! – прозвенел Ремень. От его слов у меня перехватило дыхание, но я напряг, как смог, пресс, набрал полную грудь воздуха и ответил им:

– Ваша лакированная цивилизация жмёт мне! – крикнул, и, сбросив туфли из кождама, нырнул за перила веранды. Потревоженные одуванчики отпустили свои семена а вольный ветер. Летучей мимолётной щекоткой на палец мне присела бабочка.

Балдуину Винцио

У нашего «нынче» – проседь
в намеренном ирокезе.

Однажды они нас спросят —

Рожи сальные, в майонезе:

«Чего вам не достаёт?

Чем недовольны вы?»

Сбросить бы ваше старьё

в глухие глубокие рвы!

Покупайте скорей обои!

Мы же – под красным стягом!

Когда опустеют обоймы,

многие в поле полягут.

Песков посреди и глин

бойцы костями полегли.

Расскажи в Капитали, путник,

о Балдуине-Лютне

и о Дрейане Нитиме,

о воинах Ойкумены

на крепостной куртине.

Мы требуем перемены!

Ваши четверти и половины

история просит в утиль.
Бикфордов шнур – пуповина.
поджигай скорее фитиль!
Попутны нам ураганы!
Точите мечи скорей!
Заряжайте скорей наганы!
Рубите, стреляйте царей!
Над чавканьем из пельменных
грохот сражений звенит.
Новая над Ойкуменой
заря заберётся в зенит.

А если всё же падём —
все же противник силён,
с каждым рождённым днём —
новых бойцов миллион!
Сломают хребет Шираду,
и с далей счастливых веков
нас вспомнят, двоих камрадов,
новых большевиков.
Венсеремос – мы победим!
Братишка, но пасаран.
Вперёд, Алексей Балдуин!
С Днём Рождения,
твой Дрейан.

Великие Луки

Ловать змеится лука за лукой.
Текут заунывно тугие слова.
Та война всегда была далеко,
а здесь можно щупать и целовать.

Весь – глыбою,
весь – вперёд устремлён,
Пехотинец,
гвардии рядовой.
Вечный Огонь – поперёк всех времён,
наперекор – не поник головой!

Пошло, натужно слова протоколют,
плетями сплетен уродуют смерть.

А на знамени – скрещены серп и молот,
и,
будто во лбу,
звезда посередь!
Нельзя казёнщиной опоганить,
уподобляя подвиг – белью,
ведь не погибнуть, встретясь с врагами,
было ему ещё худшей погибелью.

В Ленинграде давно уж не топят котельных.
Узники в «концах» – глаза в белёме.
Под гимнастёркою – крест нательный.
У самого сердца пригрет партбилет.

Опадают, как листья,
за взводом взвод,
к небу с укором глаза воздевши.
Пасть амбразуры раззявил ДЗОТ.
Скажи мне, Матросов, камо грядеши?

Гремучая, кончила стрёкот очередь,
Саша рванулся – не нам тормозить его!,
На пулемёт набросился, скорчился,
на фрицов поглядел распято-пронзительно.

Что о том понимает трибунный олух.
Волчьи клыки,
два зрачка,
два кинжала —
ни слова в засаленных протоколах!
Амбразура опять огнём завизжала.

На снегу от жертвы сделалось красно,
Данко сердце отдал, чтоб ему гореть,

а это сердце должно погаснуть!

Лишь бы жизнь нужна была эта смерть...

Играют дети. Текут слова.

Вперёд и вверх глаза его вперены.

Тулупа грязные рукава

прорастают белыми перьями.

А дальше – лужи, канавы, трясины,

мокрые ноги связала лоза.

Разбежался по норам шорох крысиный.

Свет из-за туч выползал.

В подноготном ненужном мире

лужи – точно плевки.

Сердце – свинцовая гиря,

лёгкие – нележки.

Правда – в пятнах изнанка,

в горне огнём завывала.

Даже в воздушных замках —

пыточные подвалы.

Фасады – холёны, ухожены.
Парики прикрывают плечи.
По тротуарам – прохожие,
– проходящие
и
– прошедшие.

Ветер их растолкал,
ветер повёз по этапу.
С серого потолка
серыми каплями
капает.

«Заря»

поэма из другого века

1.Близок победы торжественный час!

Небо завьюжило, город метеля,
под дых нанося за ударом удар,
налетела метель,
дверь срывающая с петель,
будто молния,
бросилась в никуда.

Россию разбили,
сказав,
что развили.
и бросили на произвол черепки.
«Немецкий шпион»,
Ленин пишет в Разливе,
что просит Россия «сильной руки»,
сильной руки,
окроваво-мозолистой,
рабочей,
крестьянской,
солдатской руки,
не руки, что считает деньги
да молится!

«Мы склеим кровью своей черепки,
и мы буржуйам дадим на орехи!»,
ЦК за восстание —
– большинство,
конечно,
сволочи есть,
штрейкбрехеры —
– «однородное социалистическое правитель-ство»
«И мы насилья разрушим мир,
да, насильем.
ответим
врагам и богам!»
Сталин
и Троцкий,
Ногин,
Лазимир.
Красный бант на груди,
и заряжен наган.

Восход алеет за полуночным раздраем,
только задёрнули сумерки
траура шторы.
Мир,
Петроград засыпал,
ничего не зная,
что грянет гроза,

и буря наступит скоро.

Не собора шпиль —

– а солдата штык,

под луной,

над столицей сверкал.

Столицей России отчаянный крик:

«Долой министров!

Даёшь ВРК!».

2.Которые тут временные? Слазь!

Загодя прочь бежит мелюзга,
хапуга спешит,
обронивши тапок.
Колотятся мысли набатом в мозгах,
как бы успеть
да побольше захватать.

На Неве,
наковальной,
клопов раздавив,
«Аврора»,
незыблема глыба,
стоит.
Крейсер —
– могуч богатырь —
– и львив,
как рыкнёт,
так и треснет Невы гранит.
Захвачен вокзал,
мосты
и почтампт.
У Зимнего ёрзают юнкера.
Только руку подай —

– воплотится мечта!

– Нет, нельзя, ожидаем сигнала...

– Пора!

Заревело системы Канэ орудье,

на одной из аврорьих башен,

мы за это дело стояли грудью,

и поэтому будет

победа

нашей!

Бушлатом,

тужуркой

шинелью запружена

площадь октябрьским ночью.

Раз за Советы,

тогда – за оружие!

«Вон из России,

министры

и прочее!».

Красные флаги плавят пургу,

из ружей обильно свинцом запуржило.

Ажурный, ворот распахнули чугуна,

Разжали тиски,

несвободы пружину.

Нас не обманешь, выюга-плутовка,

Зимний,

союзник твой,

нами взят.

Штыками блестят в полумраке винтовки,
салютует Христос,
снявши руку с гвоздя.

Под гневом народным
потонут
воры.

Днища червивые съедены ложью,

Говорит —

– как стреляет,

Антонов-Аврора:

«Правительство

объявляю

низложенным!»

Поёт Маяковский,

бренча на гусях,

жуёт черный хлеб с мякиной:

«Это было,

in Petrograd,

in Russland,

навзничь

мир господ

опрокинули».

3. Отправляйтесь... в сорную корзину истории!

Мимо истории,
гроз
и молний,
жили девицы,
шили,
парлекали,
а теперь подождён революцией Смольный,
рабочим полнится человеком.

Дым табачный в залé стоит коромыслом,
с возвышения что-то там вякает Дан,
тишина буржуем в петле повисла,
вдруг по залу —
– чьё-то басистое «Мдааа...».

Как высшая мера для трусов «мда»,
значит,
«пули погуще по оробелым!»
«Мда» как по контре первый удар,
«в гущу
бегущим

грянь, парабеллум!»

Поджали хвосты,
объявили бойкот —
обыкновенно струхнули!

Чуть только ударит по кремню бойком —
на дрова костыли
и ходули.

Прочь побежала разная шваль,
Ильич взошёл на трибуну,
и оглушил,
как не оглушал
клич приветствия Ленина бурный.

«Я,
товарищи,
буду краток.
Стукач не выдаст,
свинья не съест,
двадцать лет эмиграций,
тюрем
и каторг,
всё затем,
чтоб открыть этот съезд.
И были зубатовские провокаторы,
но зубы они обломали об нас.

Ведь за газетами
и за плакатами,
как заплата,
виден тот,
кто продаст.

Но довольно словесную воду в ступе
толочь.

Отвлекаться нельзя.

К насущным делам,
новостям приступим —
приступом

Зимний

взят,

низложено Временное Правительство,
кто перед нами льстиво витийствовал,
кто жизнь затушёвывал лживой ретушью
отныне стали истлевшей ветошью».

На возвышеньё,
парят над залом,
улыбчивы лица,
открыты забрала,
революции речи яростным залпом,
прёт революция минным тралом,
давит буржуев,
попов,

генералов,
слёзы по Каутскому у тихони:
«За что Шингарёва?!
Зачем Духонин?!»

Теперь мы дорогу
новую
торим.
На обочинах слёзы льют крокодилы.
Отправляйтесь в корзину ошибок истории,
возьмите с собой кошельки и кадила!

Били приказы,
были декреты,
и шаг громыхал,
чеканен и кован.
Знамя взвивалось красной ракетой
над новорождённой Россией.
Новой.

Ух, холодрыга!
Охота погреться,
примёрзла нога к нестиранной онуче,
а в груди
оголтело
стреляет сердце.

Время перевалило за полночь.

4.Блок посмотрел – ... «Очень хорошо»

На перекрёстках костры копят.
Догорает номер «Известий».
Петроград – бивуак,
весь мир – это театр,
театр
военных
действий.
Из-за кулис выплывает Улисс,
на дредноуте HMS,
а вот обычный российский министр
натягивает чепец.
Город —
– купиной неопалимой
горит,
буржуйам гибель пророчит,
к нему стекаются пилигримы,
изводит чернила неровный почерк.
Ветер на улице снег поволок,
сидит,
согревает кости,
Российский Поэт,

Александр Блок,
к нему идёт Маяковский.

Будто бы скорбью,
согбен
и сгорблен,
греется Блок, над костром нависши,
разрезан тьмою и пламенем облик.
Маяковский позвал его.
Он не услышал.

Тогда подошёл,
ледоколом настырным,
тронул —
– дёрнулся рвущимся швом,
Спросил —
– ответил:
«Горят костры»
и каково? —
– хорошо,
хорошо!
А после застыл сухими костями,
а потом помутнел и скрючился будто:
«Библиотеку...
сожгли...
крестьяне...».

Час Быка наступил, предвещая утро.

Присел Маяковский немного поодаль,
помолчал,

а всё же сказал, как хотел:

«Жалко, а всё же за годом годы,
сколько построят библиотек!

Не унывай,

Александр Блок,

бежали твои незнакомки и дамы,
но всё же ложится за блоком блок
счастливому новому миру в фундамент.

Нужно нынче смелых и умных,

вырвать,

значит,

подмокшие перья.

Азиаты

и скифы,

и грубые гунны,

кому как не нам работать теперь!

На поминки давно прогнившего мира
варвара зазывает лира!

Нам ли трусливо скулить и мяукать,

ложиться под проститутку-моду,

что же, поэт, подай мне руку!

И поэту
поэт
руку
подал.

5. Вперёд, заре навстречу!

Блеснуло,
тишают свинцовые очереди.
Небо плюнуло в город туманно.
В квартирах лежат,
от холода скорчены
Викторы Лещинские,
Тони Тумановы.

Светлеет,
Небо целует шифер,
черепицу погладил неловкий луч.
Мятежи искали к утопии шифр,
но воздушные замки растаптывал путч.

Всё краснее.
Свет течёт по карнизам,
баба в кастрюле варит хрящи.
Вдоль дороги кровавый жемчуг нанизан,
вдоль дороги распяты Спартак сотоварищи.

Рыжинка.
Тихо журчит водосток.
Сочится иخور из под шляпок гвоздей —

съедены крики катаров костром,
крики первых христьян сожрал Колизей.

Желток.

Ворчит какая-то мымра:

«Деньги,
инфляция,
куры,
забор».

Толпа не услышала – взмахом секирным
был обезглавлен сэр Томас Мор.

Краешек солнца.

– Колбасы полкило

– Может, в газетку вам завернуть?

Рычит в ликовании санкюлот,
монтаньяров спровадив в последний путь.

Вылазь скорее!

Мадама в колье

кокетливо обнажила бюст.

На Голгофе-Монмартре застрелен Варлен,
на баррикаде упал Делеклюз.

Чёртово солнышко, лезь смелее!

Видишь,

костями Питер усеян.
Благовоняет поповским елеем
окровавленное воскресенье.

Нам больше не можется жить в потёмках!
Мы ютимся в грязи,
нам голодно,
тесно.
Знаменем мачту зажжёт «Потёмкин»,
ощерилась ружьями красная Пресня.

В парках,
на утренней свежей росе,
вдруг заискрили линзы.
Солнце вскарабкалось! и рассвет
наступал уже
при социализме.

Свет бурит замёрзшую прорубь,
Присыпкиных смачно обругивая,
Пузатый,
будто мешочник,
голубь
подох
на жёрдочке флюгера.

6.Роясь в сегодняшнем окаменевшем г*вне

Обрастает история всяческим хламом,
порой объедается белены.

Октябрь теперь – на биллбордах реклама,
с подписью: «Воинство сатаны».

Шелуха и мура в сердцах и умах,
обваляны в сахаре плети.

В гостинице «Ренессанс Монарх»
Октября отмечают столетие.

Осталась борьба на страницах и плёнках,
а жизнь утюжат бульдозеры.

Революций плоды пожинают подонки,
лебединая песнь – «Лебединое озеро».

Слова, ядовитее белладонны —
за всех хороших и против плохих.

Едкий дым из окон Белого дома
с наслажденьем вдыхали, словно духи

Не стараясь придумать велосипед,

как пену с лапши, сдули сырых и хилых,
и надеясь спрятать кровавый след,
надели на мягкие чешки бахилы.

В руинах страна, потонула в золе,
жизни – ряды разбитых корыт.
Оружьем бряцают, а Мавзолей
как цензурой, щитами прикрыт.

Кулисами стали кремлёвские стены,
покрывают абсурда театр.
Как грибы, по России растут антенны,
источая лишь лживый яд.

В ноябре собираются как на тризну,
не на борьбу – ни в коем!

Только призрака Коммунизма
слышите – не упокоить!
Среди подвалов,
среди каморок
и непричесанных чердаков,
в камерах зеков,
в обоямах,
в каморах,
молот и серп – ключи от замков.

Он рядом с нами —
мощные мускулы,
много падал,
ни разу не увядал,
из космоса посылает корпускулы,
зовёт за собою Звезда Труда,
зовут миры Эпсилона Тукана:
– Земля, ответьте!
Земля, приём!
Нам надо только разжать капканы,
тогда полетим,
не то что пойдём!
И если кровь забродила – красная,
и если кровь закипела – что ж,
тогда обломятся все напраслины,
и всё гнилое пойдёт под нож.
Только борьбою,
только в борьбе
Стены уступят место мостам.
Как единое сердце,
как в Октябре,
соединяйтесь,
люди всех стран!

Злоключения сытого

Мои гардины поедут в Якутию,
скатерёкой дорога
и в добрый путь им!

В Тикси,
может быть,
в Оймякон,
в Якутск.
Достаточно далеко!

И будут в Тикси окошко решётить
кому-нибудь сытому,
дяде,
тёте,
чтоб солнце им глаза не кололо,
ведь нынче солнце в глаза —
– крамола,
солнце отныне —
– статья в УК,
но от него не укрыться никак,
тем более за Полярным кругом,
шесть месяцев мучаться будет хапуга,
шесть остальных —
– у него отходняк,

выходит,
не будет такого дня,
чтоб сытому в Тикси пожить спокойно.

Представьте —
– встаёт он в халате с койки,
и тут надеждам его —
– облом!

Солнце – лучами – прямо в табло!

Разве сытых спасают мои гардины?

Только одних госпожих,
господинов?

От солнца
в стружьях,
мозолях
и язвах,

от чумазных лучей с разработок алмазных,
от голода тощих лучей подневольных,
которые гибнут в траншеях и штольнях,
продают их,

взвесив прежде на гирьках,
по Вилюю,

Алдану
и Индигирке,

по которым стреляли на приисках ленских,
как будто не люди —

– балласт,
довески,
и не только от них – от лучей-поваров,
крестьян,
сталеваров
и маляров,
студентов,
поэтов,
учителей,
от забитых,
но бьющих в глаза лучей!
Мы сломаем решётки,
сорвём гардины
Если веник един,
мы непобедимы,

Много нужно графита размазывать,
чтоб написать размером алмазным.
Слова эти только алмаз,
не брильянт —
– правда – проза, без мишуры и гирлянд.

Девушка с глазами волчьими,
тёплыми,

как мягкий колкий войлок.

У тебя в зрачках —

тумены,

полчища,

орды,

толпы,

яростные войны.

Твоя мать, тебя рожая,

умерла,

пронизали её тело корни,

черви.

А ты стала – дева-Тамерлан,

нежный и безжалостный кочевник.

Лёгкою рукой из колчана

достаёшь парфянскую стрелу,

амазонка,

дочка кыпчака,

над землёй паришь, подобная орлу.

По степи несутся табуны,

жжёт ковыль безумный суховей,

языки огня – на море буруны.

Под тобою коню осоловел,

Буцефал не слышит ни вожжей,

не шпоры,

ты свалилась в чахлую траву,

на тебе доспех врагом пропорот,

скоро грифы тело разорвут.
в небе гаснущем —
вороний клик и клёкот,
мясо манит,
как пахуча мякоть!
И искусан булавой разбитый локоть,
хочешь львом реветь
и выпью плакать.
Угроздило родиться амазонкой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.